

Свенцицкий Валентин Павлович

Война и церковь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.3
ББК 84-4
В15

В15 **Валентин Павлович С.**
Война и церковь / Свенцицкий Валентин Павлович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-84993-7

ISBN 978-5-519-84993-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Все, самое живое, самое одухотворенное можно превратить въ мертвую букву закона.

— „Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“...

Эти слова сожгли языческій міръ. Ибо они были не только „заповѣдью“, но и выраженіемъ Божественной любви къ людямъ.

Такъ говорилъ Тотъ, Кто добровольно взялъ на Себя все грѣхи міра. Такъ говорили ученики Его, для которыхъ эта любовь была не отвлеченнымъ „правиломъ“, а живой дѣйствительностью.

Въ наши дни даже здѣсь оказался возможенъ мертвый *догматизмъ*, превращающій духъ животворящій въ мертвящую букву отвлеченной догмы.

Левъ Толстой—одинъ изъ самыхъ опасныхъ враговъ Христіанской Церкви.

По двумъ причинамъ:

Во-первыхъ, онъ абсолютно искрененъ въ своихъ ошибкахъ.

Во-вторыхъ, самыя антихристіанскія его заблужденія въ области теоретической и нравственной переплетаются съ подлинно христіанскими писаніями. Въ результатѣ истина покоряетъ сердце, а вмѣстѣ съ

истиной неподготовленными людьми жадно воспринимается „живое, „упрощенное“ Евангеліе отъ Толстого, опустошающее душу. отрывающее вѣрующихъ отъ Христіанской Церкви.

Что же получается въ результатѣ?

А вотъ что.

Толстовскіе ученики не имѣютъ души Толстого. Онъ не могъ передать имъ своего сердца, своей совѣсти, своего генія. Онъ передалъ имъ *ученіе*. Это ученіе отвергаетъ Божественность Христа и Церковь съ ея таинствами, пытаясь все замѣнить *заповѣдью* о любви и непротивленіи злу.

Но живое чувство любви встрѣчаетъ на пути своего возрастанія непреодолимые препятствія въ злой, грѣховной нашей природѣ и въ злой, грѣховной окружающей насъ средѣ, представляющей изъ себя „собирательное зло“, накапливавшееся вѣками.

Эти препятствія могутъ быть преодолены только соборными усиліями Церкви. Вотъ почему всякій, оторвавшійся отъ Церкви, преграждаетъ себѣ путь и къ заповѣди о любви, понимаемой не какъ отвлеченное правило, а какъ достигнутое *состояніе духа*, которое апостолъ опредѣляетъ словами „совокупность совершенствъ“. Не получая благодатнаго питанія отъ церковнаго организма черезъ таинства, человѣкъ остается одиновымъ съ своими индивидуальными си-

лами въ борьбѣ противъ мірового и природнаго зла. Въ результатъ жизнь его замираетъ. И всѣ призывы къ „любви“ неминуемо вырождаются въ безумное „ученіе“.

Громадная разница: сдѣлать что-нибудь, потому что *любишь* человека, или сдѣлать что-нибудь, потому что *надо* любить человека.

Въ первомъ случаѣ живое чувство, во второмъ—„правило“, „долгъ“. „догма“.

Живое чувство любви никогда не ошибается. Оно всегда истинно. Его „внутренняя логика“ можетъ служить провѣркой для теоретическихъ разсужденій.

„Правило“, основанное на разсудкѣ, легко можетъ оказаться ложью, потому что достаточно одной логической ошибки въ началѣ, чтобы въ конечныхъ выводахъ уйти въ совершенно противоположную сторону отъ истины.

Ни въ чемъ это не сказывается съ такой очевидностью, какъ въ разсужденіяхъ „толстовцевъ“ *о войнѣ*.

Не любя людей по-христіански, а лишь признавая ученіе объ этой любви,—они рѣшили вопросъ о войнѣ по буквѣ закона, по мертвой догмѣ и хотя, по видимости, какъ будто бы отвергая войну въ принципѣ и отказываясь отъ воинской повинности „по религіознымъ убѣжденіямъ“, исполняютъ заповѣдь о любви къ врагамъ — по духу, по внутреннему живому смыслу христіанства искажаютъ его настолько же, насколько

является искаженіемъ живого образа человека „восковые“ фигуры въ музеяхъ.

Какъ же христіанинъ долженъ относиться къ войнѣ, рѣшая этотъ вопросъ по совѣсти и духу, а не по мертвой догмѣ?

III.

Война—великое бѣдствіе.

И всѣ, доказывающіе невозможность для христіанъ участвовать въ войнѣ, любятъ говорить объ ея ужасахъ.

Выходитъ такъ:

Оправдывающіе войну не понимаютъ, какъ она ужасна,—если бы понимали, тогда бы не оправдывали. И всячески стараются разбудить „черствое сердце“ разсказами о насиліяхъ, жестокостяхъ и „морѣ человеческой крови...“

Трудно измѣрять страданія человѣческія. И право, я не берусь рѣшать, кому больнѣе „ужасы войны“—Гаршину, идущему на войну „убивать“, или какому-нибудь сектанту, бросающему винтовку и отказывающемуся отъ воинской повинности „по религіознымъ убѣжденіямъ.“

Но во всякомъ случаѣ надо установить твердо:

— Принципіальный вопросъ о допустимости или недопустимости войны для христіанской совѣсти не стоитъ ни въ какой связи съ различіемъ въ оцѣнкѣ „ужасовъ“. Ужасы эти признаютъ всѣ—значить и распространяться о нихъ нечего.

Вѣдь, если война допустима, то вовсе не потому, что она причиняетъ „одно удовольствіе“. И если недопустима, то вовсе не потому, что люди видятъ до какой степени она ужасна.

Вопросъ о войнѣ рѣшается совсѣмъ въ другой плоскости.

IV.

Основная ошибка отрицающихъ войну заключается въ томъ, что они считаютъ равнозначащими два совершенно-неодинаковыхъ слова:

Война и убійство.

Подставляя вмѣсто слова „война“, якобы „то же самое слово“ убійство, по точному слову Евангелія объявляютъ всякую войну грѣхомъ, ибо „убійство“ грѣхъ.

Но надо вдуматься. *почему* убійство грѣхъ. И тогда станетъ ясно, что „убійство“ и „война“ далеко не одно и то же.

Заповѣдь „не убій“ дана въ Ветхомъ Завѣтѣ. И рядомъ съ этой заповѣдью въ томъ же Ветхомъ Завѣтѣ перечисляется великое множество преступленій, за которыя полагается „смертная казнь“! Совершенно ясно, что подъ убійствомъ, запрещеннымъ Богомъ, разумѣлось такое убійство, которое было выраженіемъ *злой воли* человѣка,—его „нелюбви“ къ ближнему. Христосъ, расширивъ понятія „ближняго“, включивъ въ него и „враговъ“, естественно, расширилъ и

содержаніе заповѣди „не убій“. Но, однако, расширилъ все же на основѣ принципа *любви*. Убійство и съ христіанской точки зрѣнія осталось грѣхомъ, исключительно, какъ нарушение всеобъемлющей заповѣди о любви къ „ближнимъ“.

Въ *громадномъ большинствѣ* случаевъ убійство дѣйствительно является нарушениемъ заповѣди о любви, и потому мы привыкли обобщать эту заповѣдь настолько, что она получила категорическій характеръ. Мы говоримъ:

Всякое убійство грѣхъ.

Но если мы дѣлаемъ ошибку въ отношеніи *содержанія* заповѣди „не убій“, когда придаемъ ей столь *безусловный* характеръ — то тѣмъ болѣе усугубляемъ эту ошибку, когда включаемъ въ рамки этой заповѣди и *войну*, т. е. понятіе, существенно отличное отъ понятія „убійства“. Въ убійствѣ *всегда* предполагается цѣль: „уничтоженіе человѣческой личности“.

На *войнѣ* цѣлью является *побѣда*, а уничтоженіе жизни далеко не всегда обязательное средство для достиженія этой цѣли.

Напримѣръ, если врагу предлагаютъ сдаться на капитуляцію, онъ соглашается на предъявленные требованія и сдается — „убійства“ не произойдетъ, потому что „побѣда“ будетъ уже достигнута.

Отсюда ясно, что въ *войнѣ*, какъ въ дѣйствиіи, не ставящемъ себѣ цѣлью именно

убійство челоуѣка, вопросъ объ этомъ убійствѣ долженъ быть перенесенъ съ абсолютной почвы на относительную. Если „убійство“ грѣхъ, потому что нарушаетъ заповѣдь о любви, то тѣмъ болѣе *только та война* грѣхъ, которая нарушаетъ этотъ высшій принципъ любви. Другими словами: *не всякая война грѣхъ, а лишь та война, которая преслѣдуетъ злую цѣль, ибо моральное значеніе войны опредѣляется тѣмъ, во имя чего стремятся къ побѣдѣ.*

V.

Второе заблужденіе, тѣсно связанное съ первымъ, заключается въ томъ, что войну противопоставляютъ „любви къ врагамъ“, упуская изъ виду, что иногда война можетъ быть неизбѣжнымъ и единственно возможнымъ проявленіемъ дѣятельной любви.

Этотъ вопросъ классически рѣшенъ Владимиромъ Соловьевымъ въ „Оправданіи Добра“.

Прочтите слѣдующія строки:

— „Смыслъ войны не исчерпывается ея отрицательнымъ опредѣленіемъ, какъ зла и бѣдствія. Въ ней есть и нѣчто положительное—не въ томъ смыслѣ, чтобы она была сама по себѣ нормальна, а лишь въ томъ, что она бываетъ реально необходимою при данныхъ условіяхъ..“

— „Такъ, на примѣръ, хотя всякій согласится, что выбрасывать дѣтей изъ окошка

на мостовую есть само по себѣ дѣло безбожное, безчеловѣчное и противоестественное, однако, если во время пожара не представляется другого средства извлечь несчастныхъ младенцевъ изъ пылающаго дома, то это ужасное дѣло становится не только позволительнымъ, но и обязательнымъ. Очевидно, правило бросать дѣтей изъ окошка въ крайнихъ случаяхъ—не есть самостоятельный принципъ наравнѣ съ нравственнымъ принципомъ спасенія погибающихъ; напротивъ, это послѣднее нравственное требованіе остается и здѣсь *единственнымъ* побужденіемъ дѣйствій: никакого отступленія отъ нравственной нормы здѣсь нѣтъ, а есть только прямое ея приложеніе способомъ, хотя неправильнымъ и опаснымъ, но такимъ, однако, который, въ силу реальной необходимости, оказывается *единственно возможнымъ при данныхъ условіяхъ*. Не зависитъ ли и война отъ такой необходимости, въ силу которой этотъ ненормальный самъ по себѣ способъ дѣйствій становится позволительнымъ и даже обязательнымъ при *известныхъ* обстоятельствахъ“.*)

Другими словами, по Соловьеву „опасный“ способъ дѣйственно выразить свою любовь въ данномъ случаѣ заключался въ выбрасываніи младенцевъ на мостовую, съ рискомъ убить ихъ. „Убіиство“ здѣсь не было „злою волей“. Въ основѣ его лежала

*) Оправ. Добра, 398 стр., курсивъ автора.

любовь, желаніе спасти. Точно такъ же, когда спасать изъ пламени приходится цѣлый народъ, можетъ быть такое положеніе, при которомъ придется употреблять мѣры, диктуемыя *любовью*, но влекущія за собой неизбѣжныя жертвы, безъ которыхъ, *при данныхъ условіяхъ, обойтись нельзя.*

„Убивать людей на войнѣ. точно такъ же, какъ „выбрасывать дѣтей на мостовую“ (коль скоро иного способа спасенія нѣтъ) — не является „самостоятельнымъ принципомъ нравственности“, напротивъ, и здѣсь требованія любви остаются „единственнымъ побужденіемъ“.

Такимъ образомъ, и здѣсь моральное содержаніе „злого убійства“ и „войны“ во имя *спасенія* ближнихъ совершенно различно. А потому заповѣдь „не убій“ нельзя распространять и на войну, далеко не всегда противорѣчащую заповѣди любви къ врагамъ.

VI.

И, наконецъ, третья и едва ли не самая роковая ошибка, принципиально осуждающихъ войну заключается въ томъ, что вопросъ о войнѣ сводятъ къ выбору:

— Или „убій“ (это идущіе на войну).

— Или „не убій“ (отказывающіеся отъ воинской повинности.)

На самомъ же дѣлѣ такой выборъ совершенно не исчерпываетъ вопроса. Могутъ

быть войны, при которыхъ христіанину приходится рѣшать совсѣмъ другое, а именно вопросъ:

Кого убить?

Можетъ быть положеніе, при которомъ выбирать приходится между двумя неизбѣжными убійствами. Такъ сказать, изъ двухъ золъ—выбирать меньшее.

И тогда христіанинъ, идущій на войну, какъ бы говорить:

— Если это неизбѣжно пусть лучше убить будетъ преступникъ, а невинный останется живъ.

А отказывающійся отъ войны выбирать другое:

— Пусть будетъ убить невинный, а преступникъ живетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ такой примѣръ: полкъ солдатъ защищаетъ мирныхъ жителей отъ наступающихъ большевиковъ.

И мирные жители и защищающіе ихъ солдаты прекрасно знаютъ, что въ случаѣ побѣды большевиковъ почти все населеніе будетъ уничтожено. Опытъ прошлаго дѣлаетъ это предположеніе абсолютно достовѣрнымъ фактомъ. Послѣ нашествія большевиковъ женщинъ находили обезчещенными и изуродованными, стариковъ и дѣтей разстрѣлянными. При такихъ условіяхъ, скажите по совѣсти, отказъ отъ продолженія войны можно ли назвать отказомъ отъ убій-